

Градозащитная семантика успенских храмов на Руси// Успенский собор Московского кремля. Материалы и исследования.- М., 1985.- Стр. 17-23.

Храмы, посвященные Успению Богородицы, занимают в культуре Древней Руси особое место. Три момента здесь привлекают наше внимание: их распространенность; расположение в центре оборонительных сооружений (кремлей, монастырей); единство традиционного архитектурного образа.

В этих особенностях исключительную роль играет мифология Успения: символы, легенды и традиции, сформировавшиеся главным образом во Влахернском и Киево-Печерском монастырях

Житие и Успение Божьей матери устанавливались по церковному преданию, а не по каноническим книгам.

Апокрифические сочинения об Успении были хорошо известны на Руси, и согласно им строилась иконография Успения

Особой популярностью среди этих апокрифов пользовались "Слово Иоанна Богослова на Успение Божьей матери" и "Слово о Успении Божией матери Иоанна архиепископа Солунского", а также отчасти "Житие пресвятой Богородицы Епифания, иеромонаха обители Каллистратовы". Все эти сочинения довольно поздние, что и давало церкви основание относить их к числу апокрифических. Однако ни один из сюжетов апокрифов никогда не отвергался, они принимались и в иконописи, где многое из сказанного в них изображалось.

Согласно этим сочинениям, не только душа, но и тело Богородицы было "принято в небесную славу". Перед Успением апостолы (кроме Фомы) слетелись к Богородице на облаках. Когда через три дня по кончине Богородицы прибыл Фома и пожелал проститься с ее телом, в гробу его не оказалось, а были только пелены - плащаница Богородицы.

По некоторым из рассказов, тело было объято светлым облаком, поднято и находилось между небом и землей. Именно поэтому Богородица называется в церковных песнопениях "легким облаком", "светлым облаком", "лестницей к небеси" (песнь 5-я 1-го канона). Пребывание Богородицы между небом и землей особенно подчеркивается в песне 4 первого канона: "Посмотрите, народы, и удивитесь: вот святая и наиболее видная гора Божия поднимается все выше в небесные обители, небо земное поселяемо бывает в небесное и нетленное селение".

Свидетелем Вознесения Богородицы, по некоторым апокрифам, был апостол Фома: Богородица сбросила ему пояс, которым ее опоясали апостолы в гробу.

Этот пояс должен был "материально" доказать Фоме и другим апостолам, что Вознесение Богородицы совершилось на самом деле. Таким образом, пространство между небом и землей, воздух - стихия Богородицы. Многие из ее чудес совершаются именно в этом пространстве, не исключая и

легендарных перенесений по воздуху ее икон - Тихвинской, Сосновской (Соловецкой), Толгской (Ярославской), Святогорской и др.

Существенно и то, что Иоанн Дамаскин (VIII в.) в своей гомилии на Успение говорит, что св. Пульхерия, построившая многие церкви в Константинополе, в первый год царствования императора Маркиана перенесла гроб Богоматери вместе с оставшимися в нем одеждами в Константинополь, в построенный в честь Богоматери храм во Влахерне. В дальнейшем этот монастырь, где хранились ризы Богоматери, сыграл совершенно исключительную роль в религиозном сознании русских и в установлении на Руси культа Успения.

Под 866 г. в "Повести временных лет" рассказывается о поражении под Константинополем русских дружин, предводительствуемых Аскольдом и Диром. Русские ладьи, войдя в залив Суд, "много убийство крестьяном створиша, и в двою сот корабль Царьград оступиша". Император, находившийся вне Константинополя, едва смог войти в город для его защиты и вместе с патриархом Фотием всю ночь молился во Влахернском храме. Затем с песнопениями вынесли ризу Богородицы (ту самую, в которой ее погребали) и омочили ее в море. Была перед тем тишина, и вдруг возникла буря с ветром и великими волнами и разбила корабли русских. Только немногие из них возвратились домой.

Именно это событие способствовало особому почитанию русскими Богоматери, ее Успения и риз. Богоматерь стала покровительницей русского воинства, а праздник Покрова, посвященный ризам Богоматери,- праздником, который до XIX в. праздновался только в России. Ни в Болгарии, ни в Сербии, ни в Молдавии и Валахии этот праздник до освобождения Балкан от османского ига вообще не был известен.

Почему же событие, связанное с поражением Руси, стало знаком ее божественного покровительства, а Влахернский монастырь одним из самых почитаемых русскими паломниками? Здесь нужно принять во внимание и средневековую идеологию, и психологию. Наказание божие, с точки зрения человека того времени,- это знак особой заботы бога о наказываемом. Наказывались русские язычники, победа же над ними греков-христиан была победой правоверных над неверными. Религиозные различия были для средневекового сознания важнее различий национальных. Все это позволяет понять особое "военное", "защитное" значение Покрова, Успения и самого Влахернского монастыря для Руси. Следует обратить внимание также на то, что победа над русскими, когда буря с ветром разметала их корабли, совершилась между небом и землей, в воздушной стихии, которая по представлениям того времени находилась в особой власти Богоматери.

Идейные основания построения Успенских храмов на Руси обнаруживаются также в Киево-Печерском патерике. Нас не интересуют источники рассказов Патерика о построении первого Успенского храма в Печерском монастыре, в данном случае важна идеологическая сторона легенд. Если основание Печерского монастыря в целом связывалось с Афоном (именно отсюда была перенесена в Киево-Печерский монастырь монашеская

традиция), то основание Успенского собора - с константинопольским Влахернским монастырем.

Вот некоторые эпизоды из легенд, рассказанных владимирским епископом Симоном в его послании Поликарпу. Легенды эти восходят к варяжскому роду

Африкана. Варяг Шимон пришел из Скандинавии к Ярославу Мудрому и получил при нем "великую власть": он был назначен старшим при сыне Ярослава Всеволоде.

После смерти Ярослава Всеволод стал княжить в Киеве. Образовался княжеский триумвират - Изяслав, Святослав и Всеволод. Русское войско этих трех князей потерпело в 1068 г. страшное поражение от половцев при Альте. Среди мертвых и раненых на поле сражения лежал и Шимон. Согласно Киево-Печерскому патерику, он взглянул на небо и увидел там "церковь превеликую", вспомнил, что видел уже однажды эту церковь в небе, когда был спасен на море во время бури, и стал молиться Богоматери, Антонию и Феодосию Печерским. "И вот вдруг некая сила исторгла его из мертвецов", Шимон был по воздуху перенесен в Киев и оказался целым и невредимым. Здесь Шимон рассказал Антонию Печерскому следующие "дивные вещи": "Отец мой Африкан сделал крест и на нем изобразил красками богомужное подобие Христа,- образ новой работы, как чтут латиняне, большой величины в десять локтей. И воздавая честь ему, отец мой украсил чресла его поясом, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову возложил венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его и услышал глас от образа; обратившись ко мне, он сказал: "Никогда не возлагай этого венца, человече, на свою голову, неси его на уготовленное ему место, где созидается церковь матери моей преподобным Феодосием, и тому в руки передай, чтобы он повесил над жертвенником моим". Я же упал от страха и, оцепенев, лежал, как мертвый; затем, встав, я поспешно взошел на корабль.

И когда мы плыли, поднялась буря великая, так что все мы отчаялись в спасении, и начал я взывать: "Господи, прости меня, ибо ради этого пояса погибаю за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа!". И вот увидел я церковь наверху и подумал: "Что это за церковь?" И был свыше к нам голос говорящий: "Та, что будет создана преподобным во имя Божией матери, в ней же и ты положен будешь". И видели мы ее величину и высоту, если измерить ее тем золотым поясом, то двадцать мер - в ширину, тридцать - в длину, тридцать - в вышину стены, а с верхом - пятьдесят. Мы же все прославили бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. И вот доньше не знал я, где создастся церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я уже находился при смерти, пока не услышал я из твоих честных уст, что здесь меня положат в церкви, которая будет создана.

И, вынув золотой пояс, он отдал его, говоря: "Вот мера и основа, этот же венец пусть будет повешен над святым жертвенником".

Старец же восхвалял бога за это и сказал варягу: "Чадо! С этих пор не

будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое". Таким образом, Симон из латинства перешел в православие, и, как явствует из дальнейшего рассказа, православными стали и все другие варяги, жившие вместе с ним: Симон оставил "латинское заблуждение и истинно уверовал в господя нашего Иисуса Христа со всем домом своим около трех тысяч душ и со всеми священниками своими".

Опуская подробности этой части легенды о построении Успенского собора Печерского монастыря и некоторые несообразности, отмеченные М. Д. Приселковым, следует обратить внимание на следующее: образ Успенского храма дважды является в воздухе. Один раз над полем битвы, другой - в бурю; оба раза он служит спасению - по воздуху переносится Симон, и ветром прибывает к берегу корабль Шимона. "Свыше" даются, кроме зрительного образа, и пропорции, и точные размеры храма. Как и во влахернском чуде, "забота" Богоматери ведет к обращению язычников в православие.

Но на этом связь строительства Успенского собора в Печерском монастыре с Влахернским монастырем и его культом Богоматери не кончается. Другое "чудо", рассказанное в том же послании Симона Поликарпу, касается событий в самом Константинополе. Строители-греки (их было четверо) видели во сне Богоматерь, которая позвала их во Влахерны. Симон передает рассказ строителей: "И вот увидели мы Царицу (Богоматерь.-Д. Л.) и множество воинов при ней, мы поклонились ей, и она сказала нам: "Хочу церковь построить себе на Руси, в Киеве, повелеваю же это вам"". Далее в передаче Симона следуют практические распоряжения Богоматери, заканчивающиеся словами: "Выйдите наружу, посмотрите церковь". И увидели мы церковь на небе". Далее Богоматерь дает строителям "наместную" икону - свой образ, получивший название Влахернской Богоматери. Нет необходимости передавать детали последующего изложения легенды о строительстве. Важно только, что храм трижды показывается на небе. Затем сам план церкви выжигается на земле небесным огнем и проявляется выпавшей росой. Посланные затем из Царьграда иконописцы чудесным образом видят Успенский собор уже построенным высоко на горе, над рекой.

Эти легенды объясняют не только однотипность Успенских храмов на Руси, но и обычное для них расположение на горе, на крутом берегу, что сохраняется почти на тысячелетие.

Когда иконописцы-греки отказываются расписывать Успенскую церковь в Печерском монастыре и пытаются уехать на лодке назад в Константинополь, начинается, как и в двух первых случаях, сильная буря и ладья их сама идет вверх по Днепру против течения. Иконописцы рассказывают: "На другую же ночь снова увидели мы эту церковь и чудную икону наместную, говорившую нам: "Люди, зачем напрасно мечетесь, не покоряясь воле сына моего и моей; если не послушаетесь меня и захотите бежать,- я возьму всех вас и прямо в ладье поставлю в церкви моей".

Во всех этих "чудесах" виден характерный "почерк" влахернского культа Богоматери. Неудивительно, что изгнанный из монастыря печерский игумен Стефан сам создает в Киеве церковь "по подобию Влахернской", а монастырь,

основанный им при церкви, получает название Влахернского.

Освящение Успенской церкви в Печерском монастыре произошло 14 августа, накануне дня празднования Успения, установленного в VI в. императором Маврикием в честь его победы над персами. Освящение церкви происходило, как явствует из текста Киево-Печерского патерика, в обстановке, подобной той, что описана в апокрифическом сказании о явлении со всех сторон света апостолов на облаках при Успении Богоматери. Митрополит Иоанн и все русские епископы - Иоанн Черниговский, Исайя Ростовский, Антоний Юрьевский, Лука Белгородский - были чудесным образом предупреждены и собраны в церкви Успения. Симон не решился, однако, утверждать, что они слетелись на облаках.

Но митрополит при освящении церкви сказал: "Пресвятаа Богородице, якоже в свое преставление апостолы от конец вселенныа събравши в честь своему погребению, тако и ныне в освящение своая церкви собравши тех наместники и наши служебники".

Связь Успенского собора с воздушной стихией на этом не кончается. В Патерике рассказывается, что, когда позднее разбойники хотели напасть на паству Феодосия и избить ее в Успенском соборе, храм спасает всех находившихся в нем, поднявшись в воздух: "И приидоша (разбойники.-Д. Л.) и се внезапно бысть чюдо страшно: от земля възятя церкви с сущими в ней и възыиде на въздух, яко не мощи им дострелити ея".

Деятельным проповедником культа Успения Богородицы становится Владимир Мономах. В "Повести временных лет" рассказывается, что сын Симона-Шимона Георгий был послан Владимиром Мономахом в Суздальскую землю, "вдав ему на руки сына своего Юрия" (Долгорукого.-Д. Л.). Когда Юрий сел на княжение в Киеве, Суздальская земля была поручена "как отцу" Георгию Симоновичу.

Характерно завещание Георгия Симоновича, где он рассказывает о том, как Богоматерь защищала Русь от половцев со своего "города высокого": "Когда мы приходили с половцами на Изяслава Мстиславича, увидали мы издали ограду высокую и быстро пошли туда, а никто не знал, какой это город. Половцы же бились под ним и многие ранены были, и побежали мы от города того. После уже узнали мы, что это было село обители святой богородицы Печерской, а города тут никогда и не бывало, и сами живущие в селе том не знали о случившемся, и лишь на другой день вышедши, увидали, что произошло кровопролитие, и подивились бывшему".

Успенский собор в Суздале был сооружен, как предполагает Н. Н. Воронин, во второй приезд Владимира Мономаха в Ростовскую землю, в 1101 - 1102 гг. "Дорога в Ростовскую землю лежала через Смоленск; здесь в 1101 г. был построен Мономахом кирпичный собор", и тоже в честь Успения. Так, на обеих окраинах Руси, на западе и востоке, в Смоленске и Суздале, в один год были построены два Успенских собора, и одновременно вокруг них воздвигались земляные валы кремлей.

Не касаясь темы дальнейшего распространения Успенских храмов на Руси, следует еще раз отметить, что традиция культа Успения и образ Успенских

храмов на Руси, четырежды показанный самой Богородицею, согласно легендам, в воздухе, связаны с Влахернским храмом.

Нет ничего удивительного в том, что Аристотель Фиораванти следовал установившемуся на Руси облику храмов при строительстве московского храма Успения. Числовые соотношения высоты, длины и ширины собора, положенные в его основание, имели определенное мистическое значение. В самом деле, число "10" считалось пифагорейцами самым совершенным числом, положенным в основание всего существующего, а производные от десяти - заключающими это совершенство. Число "100" есть десять, помноженное на десять, и воспринимается как наивысшее совершенство. Именно это число "100" составляется в сумме трех чисел, указанных варягу Шимону для построения храма Успения: $20+30+50=100$. Секст Эмпирик так излагает учение пифагорейцев о числе "десять". «Четверицей» у них (пифагорейцев.- Д. Л.) называется число десять, которое является суммой первых четырех чисел, потому что один да два, да три, да четыре есть десять. Это число является самым совершенным, потому что, приходя к нему, мы снова возвращаемся к единице и начинаем счет сначала. "Вечно текущей природы имущую корень неточный" они назвали ее потому, что, по их мнению, в ней залегает смысл совокупности всего, как, например, и тела, и души".

Согласно данным Киево-Печерского патерика, сообщенным все тем же владимирским епископом Симоном, Успенский храм в Суздале был создан Владимиром Мономахом "всемь подобием" Успенскому собору в Киево-Печерском монастыре: "в высоту, и в широту, и в долготу... в ту же меру". Однако археологические исследования А. Д. Варганова и Н. Н. Воронина показали, что мономахов собор в Суздале был значительно меньше своего образца. Это дало основание Н. Н. Воронину предполагать неточность в сообщении Киево-Печерского патерика. Однако если иметь в виду символическое значение чисел, то следует думать, что для строителей Успенских храмов основное значение было в числовых соотношениях, пропорциях, а не в реальных размерах. И действительно, Успенские храмы и после строились на Руси однотипно, но разных размеров. Это подтверждает предположение о том, что Аристотель Фиораванти перед строительством нового Успенского собора в Московском Кремле интересовался только Успенскими храмами и не мог особенно полагаться на "авторитет" такого храма, как Софийский собор в Новгороде, как полагают некоторые исследователи. София могла для него быть, скорее всего, "художественным" образом, но не символическим образцом, подобно Успенским храмам Московии.